

— Испугался?

Цзян Лююй улыбнулся, наблюдая, как его собеседник сначала замер, а затем на бледных щеках появился легкий румянец. Казалось, ему это очень нравилось. Пальцы Цзян Лююй мягко провели по чрезмерно покрасневшим тонким губам, и он, понизив голос, сказал:

— Закрой глаза.

Услышав это, человек в белом послушно закрыл глаза, но дыхание его снова участилось. Цзян Лююй, видя его напряженное состояние, решил подразнить его и снова приблизился, так что его горячее дыхание коснулось бледного лица. Почти касаясь его губ, он прошептал:

— Миньюй.

Бай Миньюй, смущенный горячим дыханием и близостью губ, лишь через долгое время невнятно пошевелил губами, издав бессмысленный звук:

— ...Ммм?

— Впредь не избегай меня.

Цзян Лююй в темноте смягчил взгляд, тихо произнес это. Его пальцы невольно коснулись прядей волос на лбу собеседника, внимательно разглядывая его.

Бледное, худое тело, ужасные шрамы, притворяющийся племянником наложницы, неразговорчивый и неприятный характер.

Человек, который предал его в прошлой жизни, отличался от этого во всем — и в статусе, и во внешности, и в характере.

Но он не мог отпустить.

Цзян Лююй закрыл глаза, словно больше не мог выносить взгляд янтарных глаз, которые даже в темноте светились едва заметным светом. Его рука медленно обняла худое плечо, пальцы искали место, где остановиться:

— С сегодняшнего дня останься со мной.

Долгое время Бай Миньюй думал, что слышит это лишь в своем воображении. Лишь спустя долгое мгновение он нашел свои слова, но, открывая губы, почувствовал, как что-то в груди сжалось, вызывая боль и горечь.

— ...Ты не пожалеешь об этом позже?

Услышав это, Цзян Лююй сначала замер, тело его напряглось.

Его напряжение почувствовал и Бай Миньюй, который был рядом.

Но он больше ничего не сказал, лишь тихо закрыл глаза, не давая никакого взгляда, возвращая выбор обратно в его руки.

Цзян Лююй не мог издать ни звука, но упрямо смотрел на лицо, которое находилось так близко, но не выдавало никаких эмоций.

Вот такой он человек.

Молчаливый, невероятно упрямый, но всегда способный увидеть суть вещей сквозь все.

Если ты согласишься сейчас, не пожалеешь ли потом?

Цзян Лоюй сжал губы, в ушах зазвучал гул, а из глубины тела поднялась сильная боль, которая постепенно распространилась по всему телу. Ему казалось, что он стоит не на мягкой земле, а на острых лезвиях ножей, готовый упасть в любой момент.

Но он не мог упасть.

Падение означало бы гибель.

Можно ли доверять?

Только один раз.

Только один шанс.

Цзян Лоюй, казалось, долго размышлял, прежде чем глубоко вздохнул. Его бледное и красивое лицо в темноте постепенно успокоилось, голос стал хриплым, но нежным. Он прижался к человеку перед ним, тонкие губы, как крылья бабочки, слегка раздвинулись:

— ...Позволь мне поцеловать тебя еще раз, и я не пожалею.

Не успел Цзян Лоюй приблизиться к губам, как почувствовал, как человек перед ним внезапно обнял его за талию и руку, а холодные губы коснулись его губ, слегка потирая их. Их тела в темноте слились воедино, словно они были созданы друг для друга.

Чжу Юэ с удивлением и любопытством смотрела на своего господина, который, вернувшись, почему-то отвел Бай Шуана за искусственную гору, словно хотел сказать что-то важное, но в итоге был выведен за руку человеком в белом. Она сдержалась, но не смогла удержаться и, подойдя ближе, тихо спросила:

— Наследник, вы говорили с наложницей Бай о Бай Шуане?

— Что? — Цзян Лоюй, увидев, что она подошла, улыбнулся, но крепче сжал руку человека рядом. — Тебе интересно?

Чжу Юэ, услышав, что господин отвечает, поспешно кивнула, но Цзян Лоюй вдруг слегка опустил глаза, улыбка стала едва заметной:

— Не скрою, я говорил об этом, но главная причина в том, что я уже давно не навещал наложницу Бай, иначе некоторые были бы слишком рады.

Сказав это, он, словно боясь, что человек рядом не поймет, добавил еще более загадочную фразу:

— Я не могу видеть ее радость, поэтому пришлось потрудиться.

Чжу Юэ, идущая за ним, долго думала, поняв, что «некоторые» — это, видимо, люди в поместье, но не смогла угадать, кто именно. Не получив дальнейших объяснений, она надула губы и пробормотала:

— Слова Наследника странные, я не понимаю.

Цзян Лююй, видя, как ее лицо сморщилось, а в глазах мелькнуло недоумение, глубоко взглянул своими черными, как яшма, глазами. Сжав руку человека, который смотрел на него ясным взглядом, он тихо улыбнулся:

— Тебе не нужно понимать, главное, чтобы некоторые знали.

В тот момент, когда его слова прозвучали, в кабинете Двора Высокого Бамбука мужчина в темно-синей одежде сидел за столом с переменчивым выражением лица. Рядом с ним была старая няня, которая служила Госпоже Чжэнь. Ее лицо было спокойным, но глаза бегали, временами мелькали злоба и ненависть.

Мужчина в темно-синем одеянии, Цзян Инь, сидел неподвижно, наконец, с мрачным лицом поднял чашку чая, сделав глоток, и тихо сказал:

— Не думал, что даже так не смог его подставить. На этот раз я недооценил этого кузена.

Старая няня, услышав, что он упомянул Цзян Лююя, насторожилась и поспешно спросила:

— Молодой господин, что же нам делать?

— Это ты натворила, а еще смеешь передо мной вертеться? — Цзян Инь, услышав ее вопрос, еще больше нахмурился и резко оборвал ее. — Похоже, в этом дворе ты самая бестолковая! Неудивительно, что ты не справляешься с поручениями матери и даже потеряла жизнь Цин Хун.

Услышав имя Цин Хун, на лице старой няни вместо надежды появилась печаль, но она не смела возразить. Болезнь Госпожи Чжэнь долго не проходила, а Госпожа Му крепко держала бразды правления и не слушала ее. Единственный, кто мог отомстить за Цин Хун, был этот человек перед ней.

Увидев нетерпение на лице Цзян Иня, она поняла, что поторопилась, и, сделав вид, что ей жалко себя, отступила на два шага назад, больше не задавая вопросов и не издавая звуков, лишь вытирая слезы и смотря на Цзян Иня умоляющим и любящим взглядом.

— Ну хватит, хватит, слезами делу не поможешь. — Как и ожидала няня, через мгновение Цзян Инь, кажется, почувствовал, что так обращаться с кормилицей, которая растила его с детства, несправедливо, и смягчился, объясняя. — Те двое, что сопровождали Цзян Лююя, были специально наняты мной из столичного борделя, оба крайне похотливые...